

МНЕ хочется рассказать вам о счастливой находке неизвестного портрета известной актрисы пушкинской эпохи Александры Михайловны Каратыгиной, в девичестве — Колосовой. Она была не только близкой знакомой Пушкина, героиней и адресатом нескольких его стихотворных посланий, но и оставила нам воспоминания о Пушкине. Актриса вошла в круг «пушкинских женщин», в большинстве своем любимых и чтимых нами. И все их портретные изображения драгоценны.

Имя и значение Александры Михайловны Каратыгиной принадлежит не только истории русского театра, но и тому особому миру, который мы зовем пушкинской эпохой и пушкинским окружением. Нам неизменно интересны и важны люди, которые знали поэта, имели счастье общения с ним. И тем более лица, которым поэт посвящал стихи, пусть не всегда восторженные, иной раз даже эпитафии. Об этом прекрасно писала Анна Ахматова: «Все красавицы, фрейлины, хозяйки салонов, аншефы и не-аншефы постепенно начали именоваться пушкинскими современниками...». Рукописи, дневники и письма начинают цениться, если там появляется магическое слово «Пушкин»...

Мысль о том, что любой упомянутый Пушкиным человек становится в наших глазах лицом историческим, можно развить на выразительном примере.

Вы помните строки из первой главы «Евгения Онегина» — ворчливые замечания Онегина о театре:

...И молвил: «Всех пора на смену; Балеты долго я терпел, Но и Дидло мне надоел».

Так вот, в одном из первоначальных вариантов этой строфы, в черновиках поэта вместо строки «Балеты долго я терпел» — стояло: «Одна Лихутина мила...».

Совершенно очевидно, что если бы Пушкин оставил эту строку в окончательной редакции «Евгения Онегина», то о балерине Анастасии Лихутиной (1802—1875) знали бы сегодня все, а не только балетная энциклопедия и историк русского балета профессор Вера Михайловна Красовская, — как знают все, к примеру, Истомину, чье имя в романе Пушкина звучит.

Пушкин познакомился с Сашенькой Колосовой, будущей актрисой и женой знаменитого петербургского трагика Василия Каратыгина, в доме ее учителя, князя Шаховского, драматурга и лучшего в те годы театрального педагога. Вскоре Пушкин стал бывать и в доме у самой Сашеньки и ее матери, известной балерины Евгении Ивановны Колосовой.

Когда в декабре 1818 года шестнадцатилетняя Сашенька Колосова дебютировала на драматической сцене, юный Пушкин в том же декабре 1818 года отозвался на ее дебют неоконченным, но восторженным наброском:

О ты, надежда нашей сцены! Уж всюду торжества готовятся твои,

На пышных играх Мельпомены, У тихих алтарей любви... Однако вскоре их отношения омрачились. Произошло это в значительной мере потому, что поэт увлекся другой выдающейся актрисой, Екатериной Семеновой, с которой юная и еще неопытная Колосова стремилась соперничать, не всегда, впрочем, успешно. А Семеновой Пушкин увлекся всерьез. Поэтом написал, посвятил и даже подарил ей свои знаменитые впоследствии заметки «Мои замечания об русском театре» — они пронизаны восхищением Семеновой как трагической актрисой.

В 1819 году Сашенька Колосова решила выступить в одной из коронных ролей Семеновой — в заглавной роли трагедии Расина «Эсфирь». И тогда Пушкин сочинил на нее злую эпиграмму:

Все пленяет нас в Эсфире: Упоительная речь, Поступь важная в порфире, Кудри черные до плеч, Голос нежный, взор любви, Набеленная рука, Размалеванные брови И огромная нога!

Эта эпиграмма при жизни поэта не печаталась и известна первоначально из уст самой Александры Михайловны Каратыгиной. Следует отдать ей должное: артистка не пожалела своей репутации, чтобы сохранить для истории неопубликованные стихи великого поэта, весьма для нее неслестные.

После гибели поэта, в конце своей жизни Александра Михайловна написала воспоминания о Пушкине — они навсегда вошли в нашу драгоценную Пушкиниану. И начинаются эти воспоминания именно с истории мимолетной вражды поэта со своей современницей.

«Стихотворениям подобного рода, — писала Каратыгина, — знаменитый наш поэт не только не придавал никакого значения, но всего чаще, по мннованию его безотчетной досады на лиц, не только совершенно безвинно, но и подлым им уязвленных, спешил залечить укол свой сатиры каким-нибудь любезным мадригалом или хвалебным дифирамбом...».

Эти слова Каратыгиной подтверждают написанным в 1821 году пушкинским посланием к Катенину, поэту, критику и театральному деятелю, которое Каратыгина тоже приводит в своих воспоминаниях. Вот начало этих стихов:

Кто мне пришлет ее портрет, Черты волшебницы прекрасной? Талантов обожатель

Страстный, Я прежде был ее поэт, С досады, может быть неправой,

Когда одна в дыму кадиль Красавица блистала славою, Я свистом гимны залушил, Погибни злыбы миг единый, Погибни лиры ложный звук...

А еще через некоторое время, продолжает свой рассказ Каратыгина, Катенин «привел ко мне в уборную „кающего грешника“, как называл себя Пушкин.

— «Размалеванные брови», — напомнила я ему, смеясь.

— Полноте, бога ради, — перебил он меня, конфуясь и целуя мою руку, — кто старое помянет, тому глаз вон!

Позвольте мне взять с вас честное слово, что вы никогда не будете вспоминать о моей глупости, о моем мальчишестве!..

Слово было дано. Мы вполне примирились... За «Сашу Пушкина» передел мной извинился Александр Сергеевич Пушкин — слава и гордость родной словесности!..

Александра Михайловна не сдержала данное поэту слово, написала свои известные воспоминания, и в данном случае мы можем быть благодарны ей за это.

Кто мне пришлет ее портрет,

ПОИСКИ И НАХОДКИ

Загадка одного портрета

Черты волшебницы прекрасной?..

Вопрос Пушкина остался без ответа.

Но именно о портрете «волшебницы прекрасной» и пойдет сейчас речь.

Несколько литографий, изображающих Каратыгину в различных иггранных ею ролях, любители театральной литературы знают — они иногда публиковались. А хранятся они в фондах Ленинградского музея музыкального и театрального искусства.

И вот однажды я случайно узнал, что неизвестный миниатюрный портрет Александры Михайловны Каратыгиной, причем очень удачный, был в свое время приобретен ленинградским писателем Иваном Федоровичем Краттом. И остался храниться в его доме.

Надо ли говорить, что я предпринял все необходимые шаги и усилия, чтобы этот портрет увидеть.

На темном фоне старинной миниатюры изображена женщина с властным лицом и царственной осанкой. Через плечо перекинута нарядная боа — меховой шарф. На оборотной стороне миниатюры, выполненной на металле, чьей-то рукой крупно и вполне отчетливо прочерчено: «Портрет Каратыгиной. Писал Шпревич». Фамилия художника написана латинскими буквами. Но, возможно, это было данью тогдашней моде.

Обратившись в Русский музей, я узнал, что Александр Николаевич Шпревич — русский художник-портретист. В Ленинграде почти нет его работ. В Русском музее, главным в нашем городе хранилище отечественного искусства, — всего два портрета работы Шпревича. Оба изображают

киевского митрополита Филарета.

Владелица портрета любезно разрешила мне прийти к ней вместе с фотографом и сделать с ее миниатюры слайд, что и было осуществлено. Слайд этот необходим в первую очередь для новой редакции книги об актрисе Варваре Николаевне Асенковой, над которой я сейчас работаю. Каратыгина была старшей современницей Асенковой, обе актрисы служили в Александринском театре, и Александра Михайловна стала одной из немногих людей в театре,

начальника экспертно-криминалистического отдела полковника милиции Людмилы Евгеньевны Быстровой, была проведена соответствующая экспертиза. Известные и, главное, абсолютно достоверные изображения Каратыгиной из Театрального музея составлялись с найденной миниатюрой.

Заключения экспертов-криминалистов в подобных редких случаях (разгадывание тайн портретных изображений исторических лиц, естественно, не главная их забота!) не должны рассматри-

ваться как однозначные и бесспорные. Они, эти заключения, «работают» более полно в сочетании с искусствоведческой экспертизой. Ну хотя бы потому, что аппаратура и методика экспертов рассчитаны на сопоставление и исследование фотографических документальных изображений человеческих лиц, а не тех, что сделаны художниками.

Тем не менее сотрудница лаборатории исследования документов эксперт-криминалист капитан милиции Марина Александровна Солонуха склонилась к убеждению, что на миниатюру, слайд с которой был подвергнут исследованию, действительно изображена Александра Михайловна Каратыгина.

В «Справке эксперта», как обычно в подобных случаях, исследованы и сопоставлены различные признаки лица изображенной женщины: форма головы; высота, ширина и контур лица; все позиции, характеризующие волосы и прическу; высота и ширина лба; особенности формы носа и губ... И лишь контур бровей дал в приведенной таблице, к огорчению эксперта, определенное различие. На миниатюре брови женщины выглядят дугообразно, а на литографиях из Театрального музея они извилисты. «Различные ширины и контура бровей, — пишет эксперт, — предположительно можно объяснить изменениями в облике, внесенными в результате применения косметической техники (выщипывание бровей, подводка тушью)».

Ну как тут не вспомнить эпитамию Пушкина! У великого поэта не бывало в стихах случайных деталей. А ведь он прямо написал:

«Размалеванные брови!» Очевидно, Александра Михайловна любила пользоваться сильным гримом не только на сцене, но и в жизни. И художник воспроизвел брови такими, какими пожела- ла их сделать сама Каратыгина.

Итак, на портрете действительно изображена А. М. Каратыгина. Но как же в этом случае объяснить несовпадение признаков моды на портрете и даты его создания с возрастом художника? Не мальчиком же, в самом деле, трудился он над этим изображением знаменитой актрисы? Когда же, в каком году писался портрет?

И тогда пришлось допустить единственную возможную версию.

Александра Михайловна Каратыгина прожила довольно долгую по тем временам жизнь: будучи всего на три года младше Пушкина, она умерла в 1880 году. На склоне ее лет художнику Шпревичу захотелось написать ее портрет. Или, напротив, он был заказан самой актрисой. Но пожилой артистке, давно ушедшей на покой, не захотелось видеть себя на миниатюре слишком старой — желание чисто женское и вполне понятное. И тогда остается предположить, она попросила художника написать миниатюру не с натуры, а с какого-то своего портрета начала сороковых годов, который до нас не дошел, что вполне вероятно и случается нередко. И так как большой портрет бесследно исчез, миниатюра приобрела значение оригинала.

Этот свой портрет Александры Михайловны не могла, разумеется, послать Пушкину как бы в ответ на поставленный им в стихах вопрос. Но зато миниатюра навсегда войдет в театральную иконографию первой половины прошлого столетия.

Обо всей этой истории мне довольно рассказать в последних числах августа нынешнего года в телевизионной передаче «Монитор». И буквально на другой же день после передачи история загадочного портрета получила неожиданное продолжение.

На студию телевидения позвонила Светлана Вячеславовна Казакова, заведующая отделом научно-справочного аппарата Центрального государственного исторического архива СССР. Она рассказала, что старший архивист Анатолий Дмитриевич Павлюков, посмотрев передачу, заинтересовался авторством портрета и решил обратиться к богатейшим, хорошо знакомым ему картотекам отдела и старым архивным делам. Версия создания миниатюры, предложенная мною как единственно возможная, оказалась ему очень убедительной.

Разумеется, я сразу же позвонил в архив. Светлана Вячеславовна деликатно спросила, не слишком ли меня огорчит, что моя версия может не подтвердиться? Я возразил, что буду в восторге от возможности продолжить

поиски истины. И отправился в архив.

Анатолий Дмитриевич Павлюков трудится в Центральном историческом архиве со дня окончания истфака Университета — без малого сорок лет. При этом он сохранил острый, живой интерес к распутыванию всевозможных исторических загадок, каких еще несметное множество таится в бесстрастных картотеках и архивных делах. Обнаруживая тех или иных широко известных или никому неизвестных людей, давно, казалось бы, ушедших в небытие, следы их деятельности, их связи между собой, Анатолий Дмитриевич радостно приговаривает: «Вот они, голубчики!».

И старые, высохшие листы пожелтевшей бумаги, испещренные каллиграфическими почерками, оживают в его руках и несут новую, подчас неожиданную информацию. Надо «только» обладать талантом извлечь ее в нужное время и в нужном месте.

Так случилось и на этот раз.

Анатолий Дмитриевич познакомился с бумагами фондов Академии художеств, Департамента герольдии Сената, а затем и фонда графов Шереметевых: выяснилось, что титулярный советник живописец Шпревич писал миниатюрные портреты малолетнего графа Сергея Дмитриевича Шереметева.

Но это был не Александр Шпревич, известный по классическим справочникам русских художников, а Николай Шпревич, его отец! Он родился в 1800 году в Москве, в семье немца, учителя музыки в московском воспитательном доме и получил при крещении имя Готтлиб-Богдан. В 1820 году он принял православную веру и стал зваться Николаем. Николай Шпревич оказался ровесником Каратыгиной — был старше на два года. И Анатолий Дмитриевич Павлюков предположил, что именно он — автор миниатюрного портрета Александры Михайловны Каратыгиной.

Из этой версии вытекают, по меньшей мере два важных обстоятельства. Прежде всего найденная миниатюра, насколько нам известно, конечно, — единственное произведение художника Николая Шпревича в Ленинграде. Его работ нет даже в Русском музее. Второй факт — еще более радостный: теперь есть основания считать, что миниатюрное изображение известной русской актрисы, приятельницы Пушкина, — вполне оригинальное произведение, писанное, очевидно, с натуры в 1842 году. Это тем более вероятно, что супруги Каратыгины не раз в те годы бывали со своими гастролями в Москве, и встреча актрисы с московским художником могла произойти самым естественным образом.

Мне остается приятная возможность поблагодарить талантливую ленинградского архивиста за его заинтересованное вмешательство в историю замечательного портрета.

Ю. АЛЯНСКИЙ